

Моложавенко

Владимир

Семёнович

(28 декабря 1924 г.- 25 апреля 2012 г.)

Член Союза писателей СССР, России с 1973 года, прозаик, публицист.

Владимир Моложавенко родился 28 декабря 1924 года в многодетной семье «пришлых» на Дон Матрены Семеновны и Семена Варламовича Моложавенко в казачьей станице Морозовской. Эта станица стала активно развиваться после строительства в 1900 году железнодорожной ветки Царицын - Лихая, в ходе которого Морозовская стала узловой станцией, где был построен посёлок, основу экономики его заложил предприниматель Попов. На берегу реки Быстрой сначала была построена чугунно-литейная мастерская по ремонту лобогреек и плугов, а потом предприятие с каждым годом увеличивалось и стало заводом, а в наши дни - это завод «Морозовксельмаш».

О месте своего рождения Владимир Семенович сообщает в историко-краеведческом очерке «Морозовск», написанном к 40-летию города: «Отчий край - город Морозовск, широко и привольно раскинувшийся в донской степи. Ещё недавно он звался станицей, на улицах его и поныне увидишь старые казачьи курени. Все улицы в этом городе выходят в степь. Она окружает его со всех сторон и, кажется, будто сама властно вступает на площади, во дворы

и левады, пропахшие горячим солнцем, чабрецом и горьковатой полынью».

Полынь как олицетворение дорогого сердцу писателя степного края не раз будет упоминаться в его творчестве. В этом же очерке он говорит о том, что «прадеды выбрали здешние степи для своих куреней, бежав с Хортицы после указа Екатерины Второй. Полвека гнул дед Варлам спину на кулаков Белокобыльских и умер в нищете - ни кола, ни двора, а дети его, так и не открыв букваря, пошли в батраки».

Искренне признается достойный потомок казаков в любви к родине: «Родная земля может обойтись без любого из нас, но никто, решительно никто не может обойтись без нее. Потому что она - мать, потому что в ней - наши корни, а человек без корней перестает быть человеком. У каждого из нас есть такая земля, и всю жизнь мы тянемся к ней своим сердцем, а встречаясь - обретаем новые силы. И чем старше становится человек, тем крепче у него привязанность к родным местам. Не потому ли и я, много побродив и поездив по белу свету, тоже все чаще тянусь к затерявшимся в неоглядной донской степи лукичѣвским хуторам, где родились и жили когда-то мой дед и прадед, мой отец. Мне

близки и дороги люди, живущие в этих краях, - простые, трудолюбивые и равнодушные».

Нелегко жилось трудолюбивой и дружной семье Моложавенко, но весело. Отец часто рассказывал сыну Владимиру о жизни и подвигах запорожских казаков, их походах, а по вечерам в семье любили петь украинские песни.

Много знала о запорожцах бабушка Владимира Семеновича, о чём также сказано в «Лукичѣвской летописи», написанной Моложавенко: «Не хочу сказать, что бабка моя Прасковья очень уж была богомольной. Скончалась она в 47-м году, когда шел ей сто двадцать девятый год. И хоть пребывала в почтенном возрасте, охотно рассказывала про запорожцев: как одевались, что ели, чему радовались, над чем потешались. Назубок знала все молитвы. Правда, куда охотнее вспоминала кошевые гулевые песни «Ой, не витер в поле грае, не орёл летае», «Засвит встали козаченьки» и ещё про то, как «невдачник» Сагайдачный променял свою жинку на тютюн та люльку, что в дороге больше пригодятся, чем жинка. А иной раз заводила песню про нескладную судьбу сечевиков, которые так и не нашли на Дону своей доли. Я слушал эти песни, и

вставали перед глазами казачьи дозоры на курганах, и чудился звон сабель, зычные крики, гвалт, ржанье лошадей, виделись залитые потом и кровью посконные рубахи сечевиков, насмерть дравшихся с турецким ханом. Ни пуля, ни сабля не могли их свалить, потому, как никто назад не оглядывался. А уж гуляли потом, как с походу вернутся, так гуляли, говорила бабка, что по неделям дым коромыслом стоял:

В главе «Лукичѣвской летописи», которая называется «Лѣгкая кавалерия идет в наступление» автор в деталях вспоминает о далеком детстве: «Светлыми и чистыми глазами смотрели мы на мир, и все, решительно все было для каждого из нас, тогдашних мальчишек, впереди. Жизнь представлялась и долгой, и бесконечной, и не верилось, что когда-нибудь станешь стар и болен. В поколении нашем было много мечтательности и непокоя. Охотно внимали бабкиному рассказу, что петух на своей жердке чертей сторожит, как запоем поутру, так «нечистая сила» сразу врассыпную. Тащили на Успенье к себе в землянку кусты полыни, развешивали их в сенях - тоже от «нечистой силы», пучками полыни макали в жбан с молоком, кропили дорогу, чтоб русалок задобрить - пусть парней хуторских не

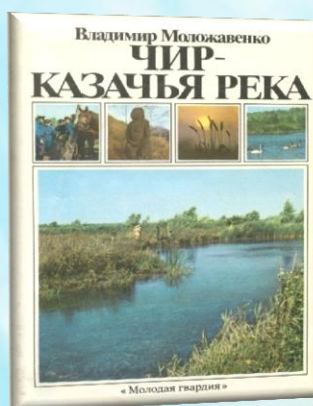
смущают. Те пучки полыни, что в сенях развешивались, и от лихоманок спасали, и другие болезни лечили. Полынным отваром еще кадушки для соленья мыли, малых детей в нём купали. Очень полезная, выходит, была трава...»

В главе «Были степного шляха» этой летописи Моложавенко объясняет причины переезда из Милютинского района в Морозовский: «В голодные годы не обошла вселенская беда ни казачьи, ни крестьянские семьи: бросали они землю и подавались из хуторов на заработки. Уходили на грушевские шахты (ранее г. Александр-Грушевск, ныне город Шахты), на Сулинский завод (в Красный Сулин), на станцию Морозовскую - рабочая сила везде была нужна.

В тот голодный 1910 год покинул Лукичи и мой отец, батрачивший на зажиточных родственников. Поступил он котельщиком в Морозовское паровозное депо. Страшная это была тогда профессия - котельщик. Их «глухарями» еще звали. Заберется человек в паровозный котел, снаружи молотом по заклепкам лупят, а он - руками, спиной, грудью, чем может, удары эти сдерживает. Не работа - каторга. Поработает человек два-три года - либо оглохнет, либо порок сердца приобретет. Так и с отцом моим потом вышло.

Хоть и стал он мастеровым, до последних дней считал себя лукичѳвцем.

Первого сентября 1938 года дети железнодорожников, в их числе и подросток Володя Моложавенко, вошли в светлые и просторные классы построенной школы (сегодня СОШ №6). В статье «Чир - казачья река», опубликованной в газете «Знамя труда» от 21 июля 1988 года, журналист И.Ф. Мельников заметит, что «в своих книгах В. Моложавенко при всяком удобном случае вспоминает свою малую родину. Вот и в книге «Чир - казачья река» он не забудет рассказать о детском увлечении Шолоховым.

Учеником третьего класса он начал «сочинять» роман о гражданской войне в Морозовской, да скоро сообразил, что уж очень «под Шолохова» написано. Пройдут годы: война, работа на железной дороге - пока литературное творчество не станет главным в его жизни».

Согласно данным сайта «Подвиг народа», Владимир Моложавенко был призван Милютинским райвоенкоматом в декабре 1942 года, с января 1943 года солдат Моложавенко оказался на переднем крае, рядовым пехоты 239-го стрелкового полка 4-го Украинского фронта, позднее командовал отделением, взводом. Был ранен. День Победы встретил в Чехословакии, в Праге, где комсорт батальона старший сержант Моложавенко участвовал в праздничном майском параде.

Владимир Семёнович награжден шестью боевыми медалями и чехословацким орденом «Партизанская звезда». В статье под названием «Святая память», размещённой в газете «Знамя труда» от 17 февраля 1995 года, ветеран войны Владимир Моложавенко рассказал о том, какими были его ровесники-солдаты: «По суровой статистике самый тяжкий урон в минувшую войну выпал на долю моих ровесников, тех, кто родился в двадцать четвёртом и двадцать пятом годах. Из каждых ста мальчишек вернулись с фронта лишь трое. А сколько ещё умерли после войны от фронтовых ран и недугов. Упорно догоняют осколки войны тех, кто остался жив после мая 1945 года. Когда началась война, все мы, правдами и неправдами, стремились попасть

на фронт. Хорошо помню, как уже в воскресенье, двадцать второго июня, жители станицы Морозовской буквально штурмовали райвоенкомат, требуя отправить их немедленно на фронт. И молодые ребята, еще не достигшие призывного возраста, и старики, ради этого случая нацепившие георгиевские кресты, что долгие годы прятали в укромном месте, и женщины - все пытались убедить военкома, что он не может, не имеет права отказать им. Приходили на призывной пункт целыми семьями. Уже к вечеру в тот день в станице был сформирован истребительный батальон - на случай вражеского десанта, и заступили на вахту по охране важных объектов его бойцы, пока еще с учебным оружием и охотничьими двустволками. Нас, мальчишек, разметало по разным фронтам. Лишь случайно, из писем от родных, мы узнавали о судьбе товарищей. Еще реже удавалось послать привет друг другу - очень уж часто менялись номера полевой почты. Мы шагнули в войну прямо из-за школьных парт, недоучившись, недолюбив, и рано, слишком рано становились взрослыми, ответственными не только за свою и близких своих судьбу, но и за гораздо большее - за судьбу Родины.

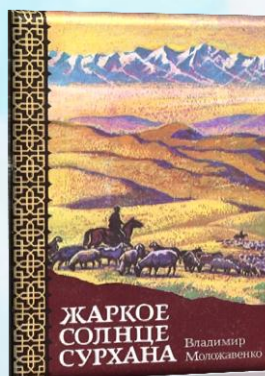
Солдатом никто из нас не родился, но мы ими стали. Очень

многого, чего всем нам было уготовано, мы просто не могли знать. Не знали и не умели. Не знали радиуса действия вражеских мин, не знали, что ночью фашисты будут освещать передовую ракетами, что, кроме проволочных заграждений, немцы обнесут свой передний край консервными банками на проволоке: заденешь невзначай и сразу - пулеметная очередь. Поначалу и каждой пуле кланялись, когда она над головой просвистит. Это потом уже стали понимать, что пуля, которая свистит, не твоя, а твоя молчком явится. Знали о противнике непростительно мало, и за незнание расплачивались жизнями. Война сделала нас взрослыми. И страх, и долг, и возможность умереть в любую минуту - все было настоящим. И все же - теперь не стыдно в этом признаться - мы оставались на фронте мальчишками, которые не могли равнодушно пропустить взгляды девчонок. Но и не могли смириться, чтобы девчонки нами «командовали», даже ранеными. И по-мальчишески, вопреки здравому смыслу, мы удирали из медсанбата, порою и из госпиталя снова в свою часть, снова в бой, для многих из нас последний. Война стала самой главной страницей в наших биографиях. Из фронтовой молодости

смотрят на меня немигающие глаза друзей, которые не вернулись с полей сражений. Смотрят внимательно, с пристрастием, даже недоверием некоего невысказанного ожидания, будто спрашивая, а остался ли я верен фронтовому братству. Эта память, может, даже больше, чем к прошлому, обращение к будущему. Не дай Бог утратить ее нам!

По пальцам пересчитываю я своих ровесников, вернувшихся с войны, и невольно думаю: а ведь самые лучшие, самые талантливые из нас пали смертью храбрых. Нет такой семьи в родной мне станице Морозовской, как и на всем Тихом Дону, во всей огромной нашей стране, где бы ни берегли память о погибших в честном бою за правое дело. Много раз видел я в хуторских хатах портреты сверстников, не вернувшихся с войны. Увитые сухими цветами бессмертника и вышитыми полотенцами, они и дороже, и ближе сердцу, чем потемневшие иконы. Видел, как матери хранят в старых сундуках заветные треугольники последних сыновних писем с полустершимися фронтовыми адресами. Даже получив похоронку, они верили, что сыновья их живы, что они вернуться.

Пережив войну, я остался в неоплатном долгу перед своими ровесниками, которые погибли в сражениях. Знаете ли вы, что из всех мальчишек 1924 и 1925 годов с войны вернулись лишь три процента? Как же мне было не рассказать о той земле, на которой росли, мечтали, строили планы, а потом стали на этой же земле солдатами? Потому всё то, что я успел написать, - это, прежде всего, память о войне, о моих однополчанах и ровесниках». Тема гражданской и Великой Отечественной войн звучит во многих книгах Моложавенко. Ей посвящены произведения «Когда полыхали зарницы...», «Баллада о комиссаре», «Сверстники», «Костры памяти», «Жаркое солнце Сурхана» и другие. Последняя книга прозаика «На всех одна Победа» - яркое документальное свидетельство героизма воинов и антифашистского подполья.

Всю свою жизнь писатель старался не терять связь с однополчанами, интересовался судьбами и искал их, посвящал повести-хроники представителям того поколения смелых и отважных людей.

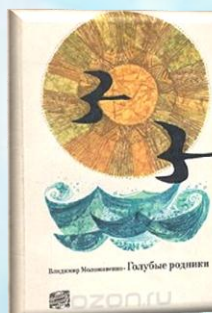
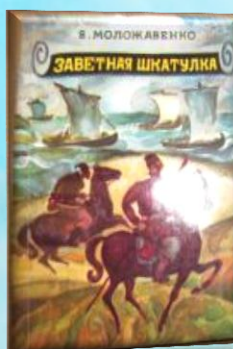
После демобилизации Моложавенко решил последовать примеру отца, устроившись работать помощником машиниста паровоза в депо на станции Морозовской. Но железнодорожником трудился недолго. В 1947-48 годах он учится в десятом классе вечерней школы рабочей молодежи при той же железнодорожной школе, в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ. В этот же период исполняется его давняя мечта о журналистике. Владимир Семёнович продолжает обучение на отделении редактирования в Московском заочном полиграфическом институте (ныне Московском государственном университете печати имени Ивана Фёдорова), а по окончании вуза в аспирантуре при нем и одновременно, с 1947 по 1951 годы, работает ответственным секретарем в районной газете «Морозовский большевик», выпускавшейся с 1920 года.

В 1966-70 годах В. Моложавенко работает директором издательства «Молот», с 1970 года - он член редколлегии и

заведующий отделом очерка и публицистики журнала «Дон».

«Природа наделила Владимира Семёновича не только тонким восприятием окружающего мира, но и одарила умением общаться, находить интересных людей, которые при первой же встрече принимают его за близкого человека, доверяются ему».

Судя по отзывам тех, кто хотя бы однажды встречался с Владимиром Семёновичем или вел переписку, он действительно был открыт для общения, умел найти общий язык с людьми разного возраста, интеллекта и социального статуса.

Произведения В. С. Моложавенко:

- «Когда полыхали зарницы» (1966)
- «Тайны донских курганов» (1967)
- «Сверстники» (1970)
- «Голубые родники» (1971)
- «Заветная шкатулка» (1973)
- «Неопалимая купина» (1974)
- «Повесть о Тихом Доне» (1976)
- «Зачарованный Донец» (1976)
- «Гремучий Маныч» (1977)
- «Красные офицеры» (1977)
- «Встреча с Донцом» (1979)
- «Пароль «Белая роза» (1979)
- «Морозовск» (1981)
- «Сурхандарья - земля моего брата» (1981)
- «Жаркое солнце Сурхана» (1982)
- «Дороги вели в Прагу» (1985) и другие.